

«Начертание логики» как гносеологический реализм в духовно-академической философии XIX в.

А. В. Шевцов, канд. филос. наук, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), каф. Философии
ashevzov@mail.ru

Актуальность темы обусловлена остающимися вопросами о формировании и развитии логических учений в России в XIX веке. В этом отношении представляет интерес изучение логико-гносеологического направления в философии, преподававшейся в духовных академиях. Здесь рассматриваются некоторые характерные понятия и теории, развивавшиеся Александром Степановичем Лубкиным (ок. 1771-1815), профессором СПбДА Василием Николаевичем Карповым (1798-1867) и профессором СПбДА Михаилом Ивановичем Каринским (1840-1917).

В 1807 году А. С. Лубкин написал «Начертание логики», одно из первых учебных пособий в России. Он различал логику на ее предметную часть, или предметную логику, которая суть сама наука «научающая изысканию и исследованию истины»[2, С. 13], и на внутреннюю логику, которой обуславливается сама познавательная способность человека.

Логика, по мысли А. С. Лубкина, состоит из двух частей – предметной (objective) и внутренней (subjectiva), а поскольку свойством природы человека является поиск и обнаружение истины, то предметная и внутренняя логики имеют общий источник в понятии истины. И заключается этот общий источник в том, что «истина состоит в сообразности мыслей или суждений наших с самими предметами»[2, С. 53]. Поэтому истина может быть только или очевидной, или достоверной. Термин «сообразность» Лубкина можно толковать как согласование, совпадение, который обозначает уверенность человека в истине. Из всех перечисленных А. С. Лубкиным способов достижения истины, достоверности наиболее интересен способ «соображения» (synthesis) идей, толкуемый как проверка, соотнесение предмета действительного мира с идеальным образом на наличие приближения к нему[2, С. 60].

О концепции Лубкина писали Н. И. Стяжкин и В. Д. Силаков, что ему «принадлежит первая в истории русской науки попытка перекинуть мост между дедуктивным и индуктивным фрагментами логики»[6, С. 18]. С одной стороны, становление отечественной логики было связано и обуславливалось влиянием эмпиризма, а с другой – анализом, критическим переосмыслением философии Канта. Как писал В. А. Бажанов, согласно выводам А. С. Лубкина, философия Канта все-таки имела и ряд неясностей и недоказанных положений, например, относительно представления пространства и времени[1, С. 64].

Логическое учение В. Н. Карпова и продолжает логику А. С. Лубкина, и имеет онтологический характер. Карпов писал о формах мышления, как математической и логической, указывая, что «хотя форма мышления отлична от его материи, однако она образует не иное что, как материю, и непременно вносит ее в существо свое»[4, С. 11]. Карпов писал, что «...сами уравниваемые предметы А и В становятся причастными форме мышления, то есть знаку равенства так, что она состоит уже не просто в знаке равенства, а в выражении $A = B$. На этом основании форма мышления может быть понимаема двояким образом: во-первых, как логическая, показывающая взаимное сродство либо несродность частей какой-нибудь определенной материи; во-вторых, как математическая, исключаящую всякую определенную материальность и имеющая в виду только отношение каких бы то ни было предметов»[4, С. 11]. Таким образом, Карпов толковал логику как учение скорее вида математики, а то, что имеется в

восприятию, понимается в восприятии реальности – в «материи» реальности, и будет собственно логикой, то есть логикой в онтологическом смысле, в смысле Платона.

Рассудок Карпов понимал, как нечто посредствующее умом (интеллектом) и чувством, от встречи которых он черпает свою материю, то есть рассудок сначала различает в сознании впечатления ума и чувства, а затем их смыслит или вначале различенное известным образом соединяет. Отсюда у Карпова возникает вопрос о третьем мире. «И ум, и чувство, – та и другая из этих сил находят для себя особый мир, в котором своим образом может что-либо познавать, и особую сторону вещей, с которой они бывают доступны ее усмотрению. Но для третьей, – собственно мыслящей силы, нет третьего мира»[4, С. 27], как писал Карпов, и далее, «отсюда произошло предположение и самое название третьего мира, именуемого миром мыслимым, который населяется представлениями и понятиями рассудка о предметах миров внешнего и внутреннего»[4, С. 28]. Поэтому все, постигаемое чувством и умом, необходимо считать вещественными или предметными условиями мышления.

В логическом учении Карпов рассматривал проблему внимания как «усилие рассудка удержать, или как бы остановить убегающий от нас предмет, чтобы воспроизвести его, либо уже воспроизведенный подвергнуть исследованию, рассмотреть, изучить...»[4, С. 32]. Эта проблема впоследствии будет также интересовать П. А. Флоренского, который писал об этом в «Столпе и утверждении истины»[7, С. 17-19]. Только понятие «внимания» Карпова у Флоренского – «память». Таким образом, у Карпова, внимание есть также орудие, которым рассудку удается остановить предмет, когда это необходимо. Когда эта необходимость отпадает, то предмет, а это значит, что он уже не входит в сферу мышления, «тотчас убегают от нашего сознания, распадается на свои начала, – и мы снова в мире чувств, среди непрестанной текучести явлений»[4, С. 32].

В концепции Карпова рассудок выделяет признаки и сравнивает их по количеству и качеству. Поэтому мышление будет математическим, если сравниваются отношения признаков количественно, а если соединять одни признаки с другими, то отношения будут качественными, и отсюда <рассудок> «удержит характер в собственном смысле мышления логического»[4, С. 68]. Говоря о формах мышления, Карпов четко обозначал, что для определения количества и качества форм мышления, надо иметь в виду формы в смысле не логическом, а математическом, то есть смотреть не на те или другие признаки в их соединении, а на общие приемы рассудка.

Понятие бытия у В. Н. Карпова «есть известный состав признаков под таким объемом, который приписывается понятию синтетически и, по его содержанию, полагает его, как нечто существующее»[4, С. 108]. Карпов видел свою логику как учение о целом, как построение логической системы, в которой различал доказательства истины для самой истины (алетейя) и доказательств истины для человека[4, С. 302]. При доказывании истины, каждая мысль должна опираться на высшую, а эта опять иметь опору на высшей. Иначе, возникнет погрешность, то есть такое положение, «в котором перемешиваются основания со следствиями»[4, С. 305].

Затем М. И. Каринским в «Классификации выводов» (1880) было разработано учение о «сличении», «сравнении» признаков[3, С. 145], концепции переноса, а не замещения, умозаключений по агрегату от группы признаков или предикатов. Поэтому можно говорить о сближении этих двух теорий, то есть понятий «соображения» у Лубкина и «сличения» у Каринского, а так же о восхождении теории «самоочевидных истин» Каринского к понятию «соображения». Это указывает на определенную внутреннюю связь, как теорий Лубкина и Каринского, так и в целом, теорий Лубкина – Карпова – Каринского. Каринский также высказывал ряд обоснованных сомнений и критических замечаний, что логика не распадается строго на дедукцию и на индукцию,

а необходимо всегда учитывать вопрос отношения предиката к субъекту, свойств и отношений к предмету мышления. Это позднее дало справедливый повод Н. И. Кондакову сближать учение М. И. Каринского с алгеброй логики[5, С. 208], логики отношений вида aRb , где R – функция отношения.

Таким образом, в представленном анализе аспектов теорий А. С. Лубкина, В. Н. Карпова, М. И. Каринского прочитываются философские и логико-гносеологические коннотации, приемственность, а также сходство и отличия их логических учений.

Литература

1. Бажанов В. А. *История логики в России и СССР (Концептуальный контекст университетской философии)*. М. 2007.
2. Лубкин А. С. *Начертание логики*. М.: Издательство ЛКИ. 2011.
3. Каринский М. И. Классификация выводов // *Избранные труды русских логиков XIX века* / под ред. П. В. Таванца. М. 1956.
4. Карпов В. Н. *Систематическое изложение логики*. М. 2011.
5. Кондаков Н. И. *Логический словарь*. М.: Наука, 1971.
6. Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. *Краткий очерк истории общей и математической логики в России*. М. 1962.
7. Флоренский П. А. *Столы и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати книгах*. М. 1914.